

Культурные и социальные барьеры на пути обращения за психологической помощью среди женщин Кыргызстана, переживших домашнее насилие.

Научный руководитель – Ниязова Жанна Кенжебековна

Турдубаева Камилла

Студент (магистр)

Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Киргизия

E-mail: kamilla.turdubaeva01@gmail.com

С момента обретения страной независимости от Советского Союза резко возросло количество официально зарегистрированных случаев насилия, совершенных в отношении женщин, особенно замужних женщин или жен, живущих со своими родственниками [1]. Согласно исследованию демографии и здравоохранения Кыргызской Республики, 23% всех женщин в возрасте 15-49 лет подвергались физическому насилию по крайней мере один раз с возраста 15 лет, и 13% подвергались физическому насилию в течение последних 12 месяцев. Среди женщин, когда-либо состоявших в браке, каждая четвертая была жертвой физического насилия, 4% подверглись сексуальному насилию, а 14% подверглись эмоциональному насилию со стороны своего нынешнего или последнего мужа. Нами были опрошены 11 женщин; вопросы для интервью были разработаны для получения данных о том, как переживается и конструируется насилие в семье, и как женщины обращаются за психологической помощью. Была использована качественная, обоснованная методология теории, разработанная Глейзером и Штраусом (1967). В отсутствие какого-либо ранее существовавшего эмпирического понимания культурной специфики феномена домашнего насилия в Кыргызстане эмпирический характер обоснованной теории предлагает основу для теоретизирования того, как домашнее насилие связано с социокультурными факторами среди женщин в выборке. Более половины всех опрошенных женщин указали, что они получили физические травмы или постоянные проблемы со здоровьем в результате домашнего насилия, и только 37% женщин, подвергшихся физическому или сексуальному насилию (любого вида), обратились за психологической помощью. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство женщин, подвергшихся насилию, хранят молчание по многим причинам, включая социальные санкции и принятие насилия в обществе, страх возмездия и подвергание их опасности будущее детей и отсутствие альтернативного места для проживания или выхода [2]. Учитывая эти социальные условия, неудивительно, что большинство кыргызских женщин воспринимают насилие в отношении себя как несчастье, но часть «нормальной» семейной жизни, и поэтому этот вопрос в значительной степени игнорируется в СМИ, политике и общественном здравоохранении. Наиболее заметными препятствиями для обращения за помощью были социальная конструкция брака и страх стигматизации и позора, связанные с разводом, статус невестки и роль свекрови в кыргызской семье, а также оправдание злоупотребления культурными и социальными нормами. Социокультурный контекст домашнего насилия определяет условия и ожидания, при которых происходит обращение за психологической помощью. В Кыргызстане эти ожидания, основанные на культурных мифах и предубеждениях, создают веские оправдания для насилия, обесценивая женщин в семьях. Результаты показывают, что насилие рассматривается как повседневное явление или как нечто, что «просто случается со всеми остальными». Многие женщины обращаются за помощью к своим биологическим семьям; однако они также выявляют серьезные препятствия для обращения за помощью, такие как страх «стать обузой» и поставить в неловкое положение всю свою

расширенную семейную сеть. Рассказы женщин о том, что невестки, которые не выполняют ожидаемые гендерные роли в отношении домашних обязанностей, репродукции (в частности, рождения сына) и девственности, подвергаются насилию в семье. Большинство женщин принимают свой подчиненный статус невестки, что, в свою очередь, укрепляет культурные нормы, которые изображают жестокое обращение как законное средство проявления власти и контроля в семье. Многие барьеры, с которыми сталкиваются пережившие насилие в Кыргызстане, аналогичны тем, с которыми сталкиваются другие женщины во всем мире. Подобные барьеры включают культурные нормы гендерного неравенства, признание роли женщин и низкого статуса в обществе, а также культурное клеймо и позор, связанные с разводом. Эти результаты подтверждают предыдущие международные исследования, которые показали, что некоторые женщины считают жестокое обращение оправданным и что жестокое поведение со стороны мужа и его семьи является нормальным и приемлемым [3, 5]. Роль свекрови как лица, принимающего решения, и зачинщика конфликта в семье в контексте совместной жизни была задокументирована и в других исследованиях [4, 8]. Эти чувства преданности и нерешительности выйти за рамки традиционных семейных и культурных норм аналогичны тем, которые испытывают другие выжившие, и являются постоянным препятствием для обращения за помощью [7]. Наконец, женщины в этом исследовании терпели насилие из-за того, что дети «не должны расти без отца», и/или потому, что они считали, что женщины должны быть сильными и терпеть жизненные трудности. Тенденция в Кыргызстане обвинять матерей в том, что они забрали ребенка у отца и расторгли брак, широко распространена в мире. Исследования показывают, что во многих обществах женщины считают, что они несут ответственность за сохранение единства и гармонии в семье [9], а понятия «сильная женщина» и «хорошая мать» коренятся в акте женщины, жертвующей собой. Женщины в таких культурах рассматривают насилие в семье как личную проблему, и их родители советуют им тщательно скрывать конфликт и защищать честь мужа от людей вне семьи. Женщин сковывают практические трудности, они воспринимают насилие и терпят его как «крест, который нужно нести ради семьи» [6, стр. 76]. Насилие в семье продолжает оставаться серьезной проблемой в кыргызском обществе и глубоко укоренено в пересечении индивидуальных, семейных, общественных и социальных факторов. Несмотря на то, что в Кыргызстане действуют прогрессивные законы, запрещающие все виды насилия среди членов семьи, и существует определенная психологическая помощь пострадавшим в виде временного убежища и кризисных центров на институциональном уровне, культурные барьеры по-прежнему существенно препятствуют возможности помощи.

Источники и литература

- 1) Альтернативный отчет Кыргызстан. (2015). Альтернативный отчет к Четвертому периодическому отчету Кыргызской Республики Комитету CEDAW. Бишкек, Кыргызстан: Совет НПО.
- 2) Молдошева, А. (2008). Насилие в отношении женщин: базовая оценка. Бишкек: Фонд ООН в области народонаселения.
- 3) Abeya, S. G. , Afework, M. F. , & Yalaw, A. W. (2012). Intimate partner violence against women in west Ethiopia: A qualitative study on attitudes, woman's response, and suggested measures as perceived by community members. *Reproductive Health*, 9, 1-11
- 4) Abu-Lughod, R. (2010). The plight of forgotten women: Coping with gender based domestic violence among Palestinian refugee women. *National Social Science Journal*, 34, 1-9.

- 5) Glantz, N. M. , Halperin, D. C. , & Hunt, L. M. (1998). Studying domestic violence in Chiapas, Mexico. *Qualitative Health Research*, 8, 377-392.
- 6) Liang, B. , Goodman, L. , Tummala-Narra, P. , & Weintraub, S. (2005). A theoretical framework for understanding help-seeking processes among survivors of intimate partner violence. *American Journal of Community Psychology*, 36, 71-84.
- 7) Midlarsky, E. , Venkataramani-Kothari, A. , & Plante, M. (2006). Domestic violence in the Chinese and south Asian immigrant communities. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1087, 279-300.
- 8) Oweis, A. , Gharaibeh, M. , AINatour, A. , & Froelicher, E. (2009). Violence against women: Unveiling the suffering of women with a low income in Jordan. *Journal of Trans-cultural Nursing*, 20, 69-76.
- 9) Roland, A. (1996). *Cultural pluralism and psychoanalysis: The Asian and North American experience*. New York: Routledge.